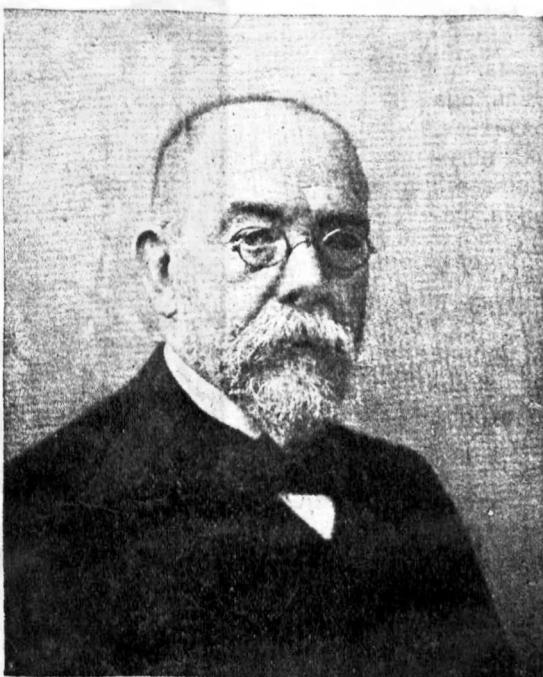


ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 6-го Июня 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10007.



Роберт Кохъ.

Извѣстный нѣмецкій бактеріологъ.
Скончался 15 мая, въ Баденъ-Баденъ.

**

Пусто и холодно... Жизни обѣтія
Будять въ измученномъ сердцѣ
проклятія

Пусто и холодно... незачѣмъ жить,
Нечего, некого больше любить.

Пусто и холодно... Кровь, преступ-
ленія
Тонуть въ пучинѣ людскаго тер-
пнія.

Пусто и холодно... Смерти покой
Сталь неразлученъ съ глубокой
тоской.

Пусто и холодно... Небо безстрастное
Смотритъ на міръ, какъ всегда, без-
участное.

Кличъ бы о помощи дать, но кому—

Пусто и холодно всѣмъ и всему...

Пусто и холодно.... Грезы разрушены,
Чувства и рѣчи давно обездушены.
Вѣры въ душѣ обезумѣвшей нѣть...

Пусто и холодно... Скорѣль разсвѣтъ!

Θ. М.

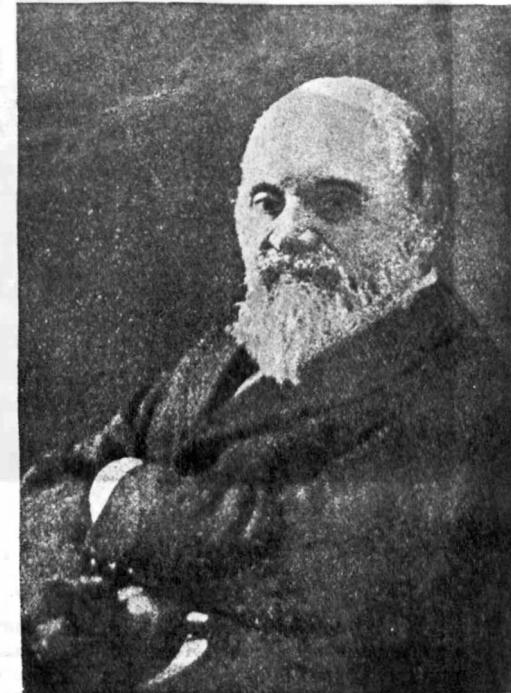
Изъ старыхъ тетрадокъ.

I.

Ландыши увяли... Запахъ ароматный,
Такъ напоминавшій о недавней
 страсти,
Наполнявшій душу грустью непо-
нятной,
Больше не струится, не имѣть
 власти...
Ландыши увяли... Но душѣ не
 больно...
 Вѣдь, еще не осень... Далеко морозы...
 И твердѣтъ мнѣ сердце съ радостью
 невольной:
 —Ландыши увяли, — расцвѣтаютъ
 розы.

П. Лозановъ.

1904 г.



М. А. Балакиревъ.

Композиторъ, скончался 16 мая.



Полина Віардо,

съ рѣдкаго портрета, писанаго въ Парижѣ
художникомъ академикомъ А. А. Харламо-
вымъ въ 1874—1875 годахъ,—одновременно
съ портретомъ Тургенева, пожертвованнаго
м-те Віардо музею Императора Александра III.

МИНІАТЮРЫ.

ССОРА.

Галина сидитъ у окна; за окномъ вид-
на дорога съ большими лужами послѣ
утренняго дождя, зеленѣющими полями и
березовой рощей, у деревьевъ которой
кружевная листва и бѣлые, будто только
что умывшіеся, стволы.

У самой рощи прямая, какъ стрѣла,
дорога дѣлаетъ крутой поворотъ. Оттуда
изъ за поворота долженъ пріѣхать Фе-
доръ. Галина прежде всѣхъ въ городѣ

узнаетъ о его пріѣздѣ: ихъ домикъ лѣпится
на выѣздѣ, на самомъ краю.

Галина сидитъ и часъ, и два, не сво-
дя глазъ съ дороги, какъ факиръ, обрек-
шій себя на неподвижность, или пустын-
никъ, преданный созерцанію дивнаго ми-
ража. Ея растрепанныя косы сбѣгаютъ
на красную шелковую кофту съ разо-
рваннымъ рукавомъ. Спустившаяся въ та-
ліи юбка заколота булавкой; крючки и
петли горятъ на Галинѣ огнемъ, а когда
она начнетъ пришивать ихъ, то переко-
леть себѣ всѣ пальцы и далеко забро-
сить и нитку и иглу.

— Подлые, подлые!—крикнетъ она,
стряхивая кровь съ пальцевъ, и топнетъ
ножкой.

Затѣмъ, выбравъ самую толстую бу-
лавку подколетъ, что нужно, и чувству-
етъ себя отлично, какъ жаворонокъ въ
полѣ, какъ рыбка въ водѣ.

Около полудня въ комнатѣ слышится
смѣхъ.

Галина наклоняется къ растворенному
окну и хлопаетъ въ ладоши; это значитъ,
что Ѣдетъ Федоръ.

— Федоръ, Федоръ!—кричитъ она съ
восторгомъ, хотя онъ далеко и не можетъ
слышать.

Но Федоръ видитъ Галину.

Сорвавъ съ головы шапку, онъ разма-
хиваетъ ею, покачиваясь въ сѣдлѣ, и го-
нитъ лошадь. И Галина знаетъ, что Фе-
доръ тоже зоветъ ее громко и нѣжно.

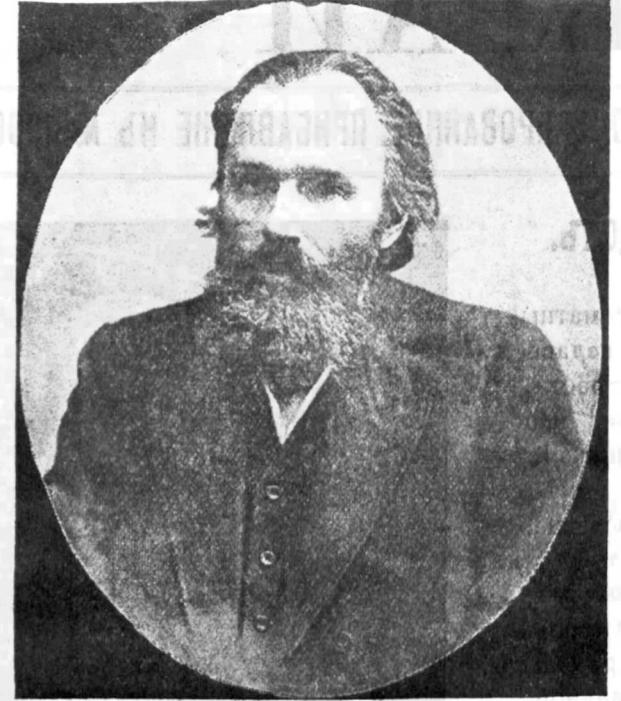
Шутка ли: они не видались два дня.

Съ каждымъ мгновеніемъ Федоръ все
ближе; „Воронъ“ скачетъ бойко, почуявъ
и стойло, и кормъ. Вотъ Федоръ вѣзжа-
етъ въ ворота, и его уже не видно Гали-
нѣ. Вотъ, наконецъ, Федоръ, стуча сапо-
гами, входитъ въ дверь. Галина бросаетъ
съ ему на шею и спрашиваетъ:

— Какъ сѣздили, Федоръ?

Сильныя руки обнимаютъ Галину и
поднимаютъ ее отъ полу. Мигъ, и Гали-





В. А. Караполовъ.

Членъ Государственной Думы.

«Да, я былъ каторжникомъ съ бритой головой и кандалами на ногахъ, Я измѣрялъ безъконечную Владимировку, измѣрялъ ее за то, что въ свое время смѣль желать и говорить о томъ, чтобы вы были собраны въ этомъ собраніи. И то, что я былъ каторжникомъ, составляетъ мою гордость на всю мою жизнь.

Въ той могучей волнѣ, которая вынесла васъ въ этотъ залъ, есть и одна моя капля, капля моей крови и моихъ слезъ. Она мала и незамѣтна, но я знаю ея существование, и это даетъ мнѣ поводъ оправдать свое существование передъ Богомъ и людьми».

Изъ думской речи
В. А. Караполова.

на лежитъ въ объятіяхъ Федора, и онъ говоритъ, смѣясь!

— Хорошо, сердце мое. Очень хорошо.

— Много денегъ привезъ?

— Этакую кучу. Тебѣ до вечера не сосчитать.

— А подарки?

— Жадная! Есть и подарки. Подожди.

Федоръ ходитъ съ Галиной по комнатѣ, и она шепчетъ:

— Соскучилась я безъ тебя, Федоръ! Горько, тошно, тоска беретъ, куда ни пойду. Ночью буря шумѣла въ трубѣ и стучала, какъ старуха костлявой рукою, по окнамъ; жутко было; ужъ я плакала, Федоръ.

— Съ чего?

— Гдѣ ты, что ты...

— Глупая. А ты думаешьъ, мнѣ весело было безъ тебя? Какъ купили мы съ Владимиромъ Ивановичемъ тройку, загулять баринъ; шампанского потребовать, винъ разныхъ. «Кутить», — говорить, — очу. Давно душа моя о такой тройкѣ тосковала. Спасибо, другъ. Птицы мои, голуби, вихры мои быстрые, вы не измѣнили мнѣ, не обманете».

— Это онъ все о баринѣ помнитъ, Федоръ?

— О ней. «Вы не выдадите меня врачу, не насмѣтесь». А у самого слезы на глазахъ. Такой кутежъ, Галиночка, устроилъ, чертятъ тошно «Отпустите», — говорю, — меня, Владимиръ Ивановичъ! Нѣтъ, не пускать и слушать не хочетъ. «Ты мнѣ, Федоръ, такихъ пустяковъ, прошу тебя, не говори». Вътъ и всѣ слова. Если бъ не онъ, я чвера бы вернулся.

Галина нѣжно цѣлуетъ Федора и шепчетъ:

— Милый, милый.

— Пѣсни, пляски кругомъ. А я пью вино да подумываю: «что-то теперь Га-

линочка дѣлаетъ?» Вечеромъ вышелъ въ конюшню, отвязалъ «Ворона», хотѣлъ уѣхать, куда тебѣ! Владимиръ Ивановичъ хватился. «Стыдно», — стыдно, Федоръ, — обманомъ, тайкомъ, крадучись уѣзжать. Ты не баба!»

Галина смѣется и опять шепчетъ:

— Милый, милый...

Федоръ прижимаетъ Галину къ сердцу. Она довольна.

— Крѣпче, крѣпче, — говоритъ она.

Но любопытство мучаетъ ее. Вѣдь, она женщина, а женщины любятъ рядиться. И, заглянувъ въ глаза Федору, она изгибается, съ граціей кошки, и спрашиваетъ:

— А гдѣ же подарки? Гдѣ подарки, Федоръ?

— Есть, есть.

Федоръ спускаетъ Галину съ рукъ и разъязваетъ свертки.

— Вотъ туфли, — говоритъ онъ. — Смотри, какія туфли.

Туфельки красныя, расшиты золотомъ.

Молодая женщина всплескиваетъ руками.

Славныя туфли. Спасибо. Ты знаешь, чѣмъ мнѣ угодить.

Я выбиралъ самыя лучшія; лучше ихъ нѣтъ. У мельничихъ нѣтъ такихъ туфель, а ужъ она ли не щеголиха. Право, нѣтъ. Куда!

Галина блѣднѣетъ и спрашиваетъ:

У мельничихъ? Какъ, какъ ты сказалъ?

Онъ отвѣтываетъ:

— У мельничихъ. Ну, да.

— Вотъ какъ?

Она стучитъ рукой по столу и запальчиво повторяетъ:

— Вотъ какъ! У мельничихъ? Подлый ты, подлый, подлый!

— Съ ума ты сошла?

— У мельничихъ? Почемъ ты знаешь, какія туфли у мельничихъ? Почемъ, почемъ, говори!

— Полно дурить, Галиночка: вотъ глупая! Изъ за туфель? Ну, видѣлъ на мельничихъ туфли, и все. Вѣдь, туфли не что нибудь другое: ихъ всякий увидѣть можетъ.

— Видѣлъ? А кто тебя просить на мельничиху смотрѣть? Я? Какъ ты смѣешь на мельничиху смотрѣть, когда у тебя есть Галина? Ну, ладно жъ, если такъ! Ладно.

Галина стучитъ по столу и улыбается такъ загадочно, что, въ свою очередь, блѣднѣетъ Федоръ.

— Что ты сдѣлаешь? — спрашиваетъ онъ.

— Ладно.

— Что ты сдѣлаешь, говори?

— Я знаю, что сдѣлаю.

Федоръ блѣднѣетъ еще больше.

— Бойшися? — говоритъ онъ, кривя посинѣвшія губы. — Не смѣешь сказать.

Онъ знаетъ, что дѣлаетъ. Галина вскрикиваетъ, какъ ужаленная змѣй.

— Я боюсь? Я — не смѣю?

— Ты.

— Хорошо. Вътъ увидишь, какъ я не смѣю. Слушай: къ барину уйду, въ Глухой Логъ. Завтра же уйду. Сегодня уйду. Сейчасъ уйду.

— Посмотримъ.

— Смотри.

Галина встаетъ и съ горящими щеками, изогнувшись, какъ разсерженная кошка, идетъ къ двери. Федоръ становится на дорогу и смотритъ на Галину мрачно и зло.

— Пусти! — говоритъ она.

— Иди. Иди къ барину.

— Пусти.

— Иди, змѣя. Иди, иди.

Галина бросается впередъ, бѣшено,



Заключительный концертъ въ Таврическомъ дворцѣ.

Дирижеръ А. И. Гучко

Верхній рядъ: Суш

шкевичъ, Крупенскій, Замысловскій, Шубинскій, Хомяковъ, Кутлеръ, Головинъ, Луцицкій и Бѣлоусовъ.

Нижній рядъ: Тимо

Волконскій, Мейендорфъ, Милюковъ, Родичевъ, Маклаковъ и Гегечкори.

Внизу: Шидловскій, Г

Растенія для садовыхъ
рѣшетокъ и стѣнъ.

(Окончаніе).

Аристолохія является самымъ эффективнымъ листеннымъ вьющимся растеніемъ для закрытия затѣненныхъ стѣнъ. Въ противоположность душистой съ красивыми цветами и желтыми ягодами кипифольной жимолости, Аристолохія цвѣтѣтъ рѣдко, и оригинального строенія цвѣты ея не обращаются на себя вниманія. Мой перечень вьющихся растеній не былъ бы полонъ, если бы я не упомянулъ о Периплакѣ Рейфлос глаеса — этой характерной ліанѣ, переплетающей лѣса нашего Черноморскаго побережья и бѣже, чѣмъ какая другая ліана, придающей имъ тропическій обликъ. Ея узкіе заостренные глянцевитые, напоминающіе олеандровые, листья имѣютъ въ себѣ нѣчто тропическое. Несмотря на млечный сокъ, растеніе это сродни нашимъ барвинкамъ, принадлежа къ близкому къ нимъ семейству.

А. Грузинский.

— Не уйдешь.

— Уйду.

— Шутишь. Прежде, чѣмъ я засну, заснешь и... не проснешься.

— Что жъ, зарѣжь меня. Зарѣжь. Тебя мельничиха подчила. Ты думашь, я не знаю? Я все знаю. Зарѣжь меня, вамъ будетъ вдвое сладко. Никто вамъ не омѣшаетъ любиться съ мельничихой, ико.

— Не уйдешь.

— Не буду.

— Побожись!

— Ей-Богу, не буду. Божусь не буду, Галиночка. Ну, полно. Поди сюда. Сердце мое, поди.

Галина косится, хмурить бровки и садится къ Федору на колѣна.

— За что я тебя люблю? — спрашиваетъ она.

Исцарапанные, съ посинѣвшими руками, тяжело дыша, они шепчутъ другъ другу нѣжныя рѣчи.

А когда Федоръ достаетъ изъ свертка купленную Галинѣ ленту и нитку бусъ, убийство, баринъ, Глухой Логъ, мельничиха въ туфелькахъ, ножъ и все прочее упываютъ отъ Галины далеко-далеко.

И вечеромъ, вспоминая о ссорѣ, она спрашиваетъ съ искреннимъ изумленіемъ:

— Что со мной сдѣлалось? Съ ума сошла?

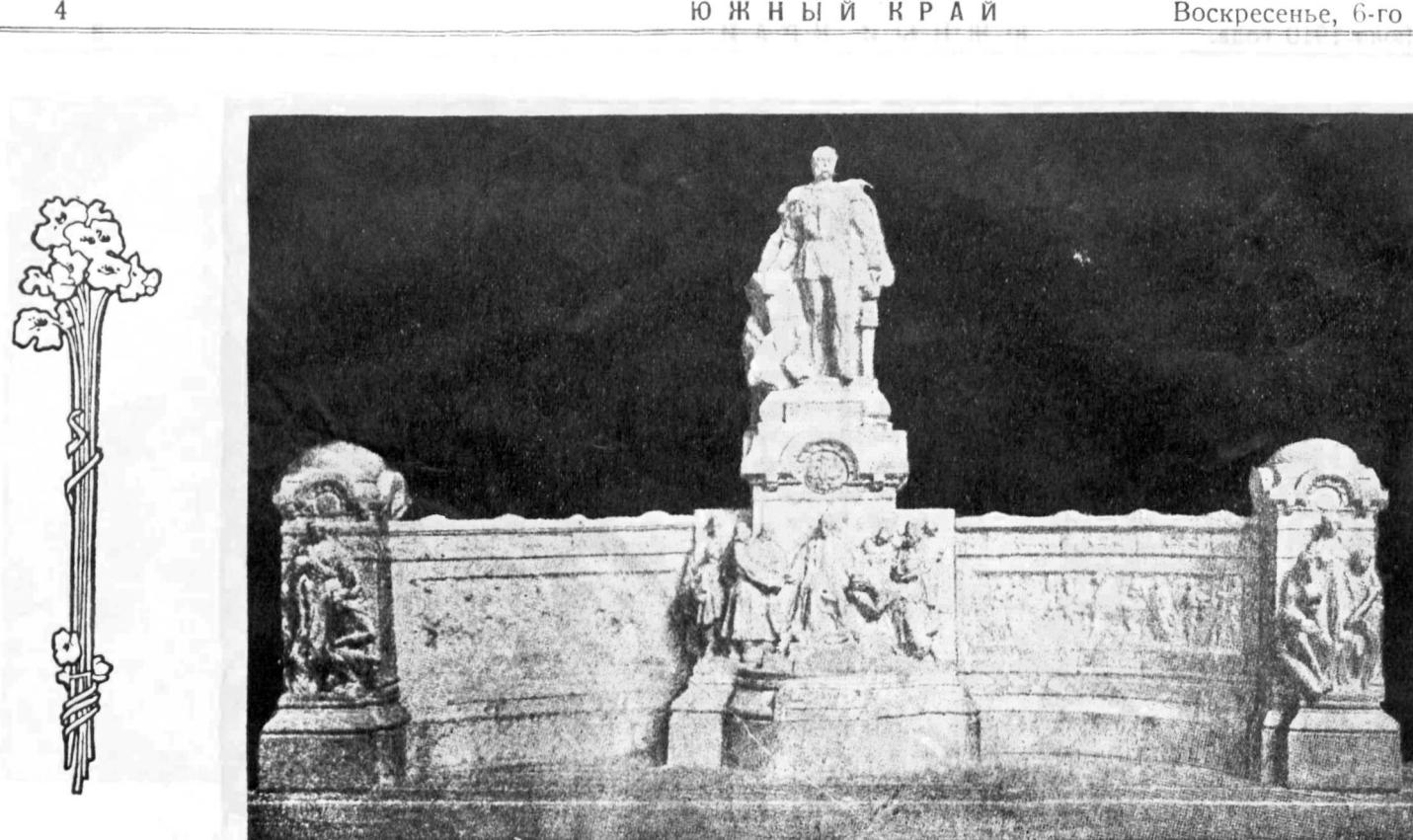
— Ну, полно, полно! Сердце мое, будь же умной.

— А зачѣмъ ты глядѣлъ на мельничиху?

— Уйду, уйду отъ тебя, — кричитъ Галина. — Не сейчасъ, ночью — уйду.

— Ночью?

— Да. Когда заснешь, вскочу и



Проектъ памятника Императору Александру II въ Киевѣ.

ству Asclepiadæa. Растеніе вьется обыкновенно высоко и выносить наши зимы. Въ Харьковѣ хороший экземпляр былъ у балкона дома Д. А. Алчевскаго, я его видѣлъ и въ саду Е. В. Пономаревой.

Всѣ до сихъ поръ описаныя растенія можно было бы назвать ліанами *). Ихъ стебли многолѣтніе. Но есть много красивыхъ вьющихся формъ, стебли коихъ отмираютъ на зиму; растеніе обыкновенно сохраняетъ подъ землею, чтобы на слѣдующій годъ съ необыкновенной быстротою покрыть стѣну однолѣтними побѣгами. На первомъ мѣстѣ между этими растеніями можно было поставить нашъ хмель. Но, несмотря на его красивые листья и эффектные плоды, у насъ въ Харьковѣ это растеніе такъ часто подвергается нападенію тлей, что я не рѣшаюсь рекомендовать его, какъ украсительное. Хорошо вьются Bryonia dioica Thladiantha dubia, но первое часто замираетъ отъ жары во вторую половину лѣта, тладіанта же, напоминая листвой наши фигурныя тыквы, растетъ на нашей почвѣ уже черезчуръ хорошо—и, давая повсюду изъ земли побѣги, засоряетъ сады. Кто любить Ипомеи или крученыя па-

нычи, вмѣсто того, чтобы возиться каждый годъ, высѣвая вновь это неприхотливое растеніе, могъ бы озло сильно затѣненныхъ стѣнъ за- дить Калистегію — Calystegia sepium rubescens съ бѣлыми, розовыми и ча- сто махровыми цвѣтами.

Растеніе очень прочно, хорошо выносить нашъ климатъ, но не любить сухости и припека. Если Калистегія напоминаетъ Ипомею, то многолѣтнимъ замѣстителемъ фасоли могла бы быть Ruellaria Thunbergiana — съ шерстистыми стеблями и болѣе крупными листьями. Въ Японіи изъ ея волоконъ дѣлаютъ прочныя веревки. Растеніе вьется на десятки саженей и очень прочно. Названными растеніями не ограничиваются формы, особенно пригодныя для нашего харьковскаго климата. Но ихъ вполнѣ достаточно, чтобы заплести красибою и разнообразною зеленою всѣ дома города. Другія для своего роста все таки требуютъ нѣкотораго ухода. Такъ, напримѣръ, можно сажать клубни японскаго Ямса. Dioscorea, который на востокѣ съ успѣхомъ замѣняетъ картофель; его глянцевито стрѣльчатые листья очень красивы. Онъ зимуетъ, но вьется не высоко и хорошъ лишь для закрытия фундаментовъ; гораздо выше вьется Буссенголтія, но ее лучше убирать на зиму. Очень эффектны вьющіеся сорта паслена — Solanum съ бѣлыми или лиловатыми, какъ у картофеля, цвѣтами. Растеніе очень декоративно, но я его не

* Этими формами, конечно, не исчерпывается разнообразіе ліанообразныхъ растеній, могущихъ развиваться въ Харьковѣ. Въ каталогахъ садовыхъ заведеній вы найдете такія формы, какъ Akebia Celastrus, но всѣ эти формы развиваются у насъ хуже, чѣмъ на родинѣ, и потому мало декоративны.

видалъ у харьковцевъ. Все это растенія многолѣтнія, такъ сказать, растенія для домовладѣльцевъ, для собственниковъ. Квартирантъ, которому нѣть разсчета затрачивать деньги на украшеніе чужого зданія, гдѣ онъ лишь временный житель, тѣмъ не менѣе много бы выигралъ, если бы его жилье имѣло болѣе эстетическую внѣшность. Для его убранства къ его услугамъ множество дешевыхъ вьющихся однолѣтниковъ. Всѣ, конечно, знаютъ фасоль и крученые панычи. Но растенія эти слишкомъ вульгарны. Это флора трактировъ и загородныхъ ресторановъ. Но въ нашемъ распоряженіи есть однолѣтники изящные, красивые и успѣвающіе за лѣто развиваться гораздо сильнѣе, сплошь закрывая невысокія стѣны и рѣшетки оградъ. Такова, напримѣръ, канарская настурція Tropaeolum lobbianum и T. canariense. Дешевыя сѣмена его можно достать повсюду, кроме, впрочемъ, нашихъ харьковскихъ сѣменоторговцевъ. Эффектна также Mina lobata. Есть болѣе красивые сорта крученыхъ панычей (Ipomoea quamocli съ перистыми листьями и I. bona nox). Эффектны бѣгылочные тыквы — Lagenaria vulgaris. Хорошъ японскій хмель и др. Но, конечно, однолѣтники, болѣе страдающіе отъ вѣтра и засухи, не могутъ идти въ сравненіе съ перечисленными выше ліанообразными растеніями.

Проф. С. И. Красновъ.

